

О СМЕРТИ ЧЕХОВА

Date: 1 октября 2008

Изд: Л.Д.Семенов "Стихотворения. Проза".

Серия "Литературные памятники", М., "Наука", 2007.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

...Я не фаталист, но одно сектантское поверье возбуждает во мне мрачную уверенность: смерть убирает человека тогда, когда все, и дурное и хорошее, что могла получить от него жизнь, -- получено, мера дел его исполнена, и лицо его ясно перед Богом.

И еще думаю я, что абсолютной правды на земле нет и потому важно не то, о чем пишет писатель, не те истины, которые он, якобы, открывает, а его собственная личность, поскольку она велика и своеобразна.

И исходя из этих двух положений я думаю, что Чехов умер вовремя и должен был умереть.

Однажды, осеннюю слякотью, проходя по Петербургской стороне, я поднял с панели бумажку, на которой малограмотный человек записал себе те книги, которые хотел взять из библиотеки. Так и было записано: взять то-то, взять то-то и "третий том Чехова -- милого человека!"

В то время много кричали о том, что человек звучит гордо¹, и из миллионов добродетельных мещан, солдат, мужиков, купцов, чиновников, попов, царей и хулиганов стремились вылепить величественный образ человека.

Было потрачено много стараний и много шума, но величественный образ не вытанцовывался и роковым образом, через силу, гордость, своеволие и сверхпереживания, впадал в величественную пошлость, желающую плевать на весь свет и плюющую на собственное самодовольное чрево.

Человека обряжали в плащ индивидуализма, надевали хитон христианина, совали ему в руки красный флаг товарища, пускали голяком анархистом по оголенной земле, и он, одетый и голый равно, упорно оказывался если не зверь зверем, то свинья свиньей.

По-прежнему, рождаясь, человек становился в тягость себе и другим и аккуратно увеличивал собою ряды или плохих людей, от которых жить скверно, или очень хороших, принципиальных, с которыми жить трудновато. Долго я думал над тем, каким должен быть, наконец, человек, чтобы от его личности не торчали во все стороны острые углы прямо в ребра его ближним. И только найдя эту бумажку, в которой какой-то наивный брат мой от всего немудрого сердца воскликнул по адресу Чехова "милый!", -- я кое-что уразумел и нарисовал, наконец, себе настоящего Человека.

Это не величественный образ и это слава Богу, ибо от величий всех сортов на свет смотреть стало тошно.

Но это Человек, при жизни которого у всех возбуждается желание войти с ним в общение, а после смерти является потребность тихо и вдумчиво говорить о нем, неуловимыми сближениями перенося из его личности в свою нечто драгоценное.

Таким человеком был Чехов.

Я не успел узнать его лично, выйдя на литературную дорогу чуть ли не в год его смерти², но я знаю его лучше многих, из тех, что намозолили мне глаза и душу.

Знаю, ибо всякий знавший Чехова при воспоминании о нем становится ласков, задумчиво грустен, интересен и много говорит о нем, торопясь высказать что-то особенное, чему на человеческом языке и названия нет; а все, не знавшие его, спрашивают о нем и, слушая, становятся тише, мягче и как будто лучше.

Обаяние Чехова и должно быть исключительным и носить особый милый характер, ибо в нем соединились все лучшие, милые черты человеческого духа.

Был он тонко и остро умен, имел взгляд беспредельно широкий и, не наваливаясь всей тяжестью, как иной слон мысли человеческой, в одну точку, легко проходил мыслью по всем изгибам жизни, в ее радости, горе, поэзии, скуке, глупости, трагичности, сложности и простоте. Был он добр и не сантиментален, ибо никого не ненавидел, но никого и не облюбовывал свыше меры. Был нежен и не слащав, с ласковой иронией относясь ко всему, что трогает красотой и возбуждает жалость своей слабостью и недолговечностью, как все на земле. Был он культурен во всех мелочах и просто

А